

Он дожить не успел. Памяти Михаила Бурцева

Михаил Бурцев был великим спортсменом и светлым человеком. Лев Россошик в рубрике «В мемориз» отдаёт дань памяти олимпийскому чемпиону.

Пророчество коллеги

25 июля 1980 года мы вместе с коллегой из французского издания «Экип» **Жаном-Франсуа Рено** возвращались в пресс-центр после личного сабельного финала московской Олимпиады. К тому моменту были уже хорошо знакомы, встречались на различных соревнованиях и у нас в стране, и за рубежом. Разумеется, обсуждали только что завершившийся спор за золото, в котором соперничали два советских фехтовальщика, и Виктор Кровопусков в перебое выиграл у Михаила Бурцева, став трёхкратным олимпийским чемпионом.

— А ты знаешь, чем я закончил свой сегодняшний репортаж? — прозвучал неожиданный риторический вопрос коллеги. — Написал, что готов назвать имя следующего олимпийского чемпиона уже сейчас. Это Михаил Бурцев.

— Смело! И не боишься ошибиться, фехтование ведь, сабельное к тому же?

— Нисколько. Если только травма не помешает вашему парню подняться на пьедестал в Лос-Анджелесе через четыре года. Других препятствий быть не может. Поверь, я знаю толк в этом виде спорта.

И ведь почти угадал француз, который к тому времени уже освещал десятки, если не сотни фехтовальных турниров различного ранга. Вот только не травма помешала нашему саблисту добыть своё личное олимпийское золото, а партийные бонзы со Старой площади, закрывшие нашим атлетам путь на Игры под надуманным предлогом, дескать, американцы не гарантировали безопасность советских атлетов.

Бурцев стал тогда победителем «Дружбы» — альтернативного турнира спортсменов, которые не участвовали в Олимпиаде. И хотя состав соискателей наград в этом эрзац-соревновании оказался круче, чем в Лос-Анджелесе, потому что почти все сильнейшие в те годы представители сабельного фехтования проживали в социалистических странах, на олимпийскую награду то золото всё равно не тянуло.

Почему вдруг вспомнил про этот эпизод? Тут две причины. Первая — ровно 40 дней назад не стало Миши Бурцева, славного парня, замечательного спортсмена, хорошего организатора, знающего тренера и просто моего доброго и искреннего приятеля. И вторая. Последние события в спортивном мире и призыв отдельных официальных лиц запретить российским легкоатлетам выступать на Играх в Рио-де-Жанейро заставили вспомнить про олимпийские бойкоты на рубеже 70-80-х годов минувшего века, «козлами отпущения» в которых оказались ни в чём не повинные спортсмены. Так, по велению чиновников от спорта мой товарищ Миша Бурцев не стал трёхкратным олимпийским чемпионом. А может, кто знает, и четырёхкратным.

Аванс

Стёрся в памяти день нашего знакомства, но думаю, что это было в 1975-м, когда имя саблиста Бурцева появилось в газетах. После победы на молодёжном первенстве СССР и серебра юниорского первенства мира в Мехико, а потом и командного золота на Спартакиаде народов СССР в Минске тренеры взрослой сборной взяли подающего надежды парня на заметку. Последовали приглашения перейти от **Игоря Пыльнова** к более именитым фехтовальным маэстро, в том числе и ко Льву Кузнецову, старшему тренеру сабельной сборной, но Бурцев предпочёл **Марка Ракиту**, не так давно завершившего карьеру, у которого уже занимался долгое время стучавшийся в сборную **Виктор Кривоусков**. И никогда не пожалел о своём шаге.

На монреальскую Олимпиаду Бурцева включили пятым номером. Основная сабельная четвёрка была непробиваемой — Виктор Сидяк, Владимир Назлымов, Эдуард Винокуров плюс Виктор **Кривоусков**. Пятым могли взять кого угодно, в итоге опытному **Виктору Баженову** предпочли зелёного 20-летнего юнца Бурцева. Это был аванс. Никто от него ничего не требовал, кроме одного: смотри, набирайся опыта, учись.

В Монреале Мише доверили выйти на дорожку только в одном матче — с командой Румынии, и все свои бои Бурцев проиграл. Правда, золото олимпийское получил, стал даже мастером спорта международного класса, но понимал, что подтвердить это высокое звание ещё предстоит. Случай представился уже через год на мировом первенстве в Буэнос-Айресе. Перед самым отъездом в Аргентину Кривоусков порвал ахилл, по разным причинам пропускали этот турнир и два других чемпиона Монреаля-76 Сидяк и Винокуров, да и Назлымов собрался было переходить на тренерскую работу, но вынужден был вернуться в строй — стержня в сборной не оставалось.

«Честно говоря, — признавался мне по приезду из Южной Америки Назлымов, — я немного побаивался за Мишу. Он ездил с нами в Монреаль, но тогда спроса с него никакого не было — кроме него на дорожку выходили четыре испытанных бойца. А в Буэнос-Айресе уже не было перед ним тех широких спин. Знал, что он не трусоватый парень, но думал, что не из тех, кто перетрудится. Ведь как часто бывает — своё дело сделал, ко мне претензий нет — и ладно. Вот чего я боялся... Перед командным финалом с румынами сказал ему: «Ты знаешь, что я не готов, и ты должен сделать всё! Понял?». Он понял. И всё сделал, три победы принёс в решающем поединке. Вот почему послеолимпийский 1977-й можно с полным основанием считать

годом рождения Бурцева как саблиста, как настоящего турнирного бойца. Хотя сам он считал иначе: «Наверное, только на гамбургском мировом чемпионате в 1978-м я понял, что такое истинное фехтовальное сражение».

Компания в том личном финале подобралась солидная: трое наших — Кровопусков, Бурцев и Баженов, чемпион мира итальянец **Микеле Маффей**, чемпион мира венгр **Пал Геревич** и ровесник Бурцева румын **Марин Мустата**. Западные коллеги заранее объявили чемпионом Кровопускова, написав, что остальным советским фехтовальщикам просто прикажут „сдать“ свои бои двукратному олимпийскому чемпиону. И были посрамлены.

В самом начале Баженов победил Бурцева, Бурцев — Кровопускова, Кровопусков — Баженова... И перед последним кругом у наших оказалось по две победы, а у Геревича и Маффея — по три. В сложившейся ситуации был только один вариант, при котором мы могли рассчитывать на золото: все три наших саблиста обязаны были выигрывать свои заключительные поединки. И они это сделали: Кровопусков победил румына, Баженов — венгра, а Бурцев — мудрого и опытного Маффея, участника всех последних мировых и олимпийских финалов.

А вот в перебое, в котором участвовали (небывалый случай!) аж пятеро — все, кроме Мустаты, итальянец взял реванш — выиграл у Бурцева. Но тот в свою очередь взял верх над своим товарищем — Кровопусковым. И по соотношению ударов чемпионом объявили Кровопускова, Бурцев остался вторым, Маффей — третьим.

«Я в карты не играл, лучше всех готов»

К Лос-Анджелесу он был готов как никогда. Знаменитый олимпийский финал Москвы-80 уже был позади, как и победа в командном турнире, где в решающих схватках, по признанию Бурцева, сборная СССР забила итальянцев. За полгода выиграл несколько серьёзных турниров, но.... Чемпионом Игр-84 стал француз Жан-Франсуа Лямур. Любопытная деталь: на Играх-80 в Москве выступало 16 французских фехтовальщиков, 15 из них вернулись домой с золотыми медалями за победы в командных соревнованиях по шпаге и рапире (мужчины и женщины), и лишь единственный саблист — это и был Лямур — остался без награды.

Все последующие годы вплоть до Сеула советская сборная саблистов не проиграла ни одного чемпионата, в послужном списке Бурцева командных золотых наград с различных мировых чемпионатов набралось аж шесть штук. Самому Мише особенно запомнился финал мирового первенства-1979 в Мельбурне.

«За год до Московской Олимпиады команда у нас была что надо. Судите сами — Кровопусков, Сидяк, Назлымов, я и Николай Алёхин (именно в таком составе сборная выступала и на Играх в Москве. — Прим.

„*Чемпионата*“). В личном турнире мы заняли весь пьедестал — первым был Назлымов, вторым Кровопусков, третьим — я. Алёхин занял пятое место.

В командном турнире перед решающей встречей с Италией образовался перерыв. Решили в гостинице «пульку» расписать. Вчетвером, Назлымов в преферанс, и вообще в карты, не играл, он настраивался на финальный бой. Нас то и дело теребил Лев Фёдорович (*Кузнецов, главный тренер. — Прим. ред.*): «Заканчивайте ваши игры! Пора готовиться к финалу». В ответ слышал только: «Некуда торопиться, поиграем пока». Прошло какое-то время — Кузнецов вновь с претензиями: «Хватит играть. Пора разминаться». «Успеем», — отмахнулся кто-то. Правда, «пулю» так и не закрыли — пришлось ехать в зал. А Назлымов всё это время разминался. Перед началом финала тренер поинтересовался: «Кто будет забойщиком?» Назлымов: «Я в карты не играл, лучше всех готов». Он вышел на первый бой, и Маффей нанёс ему пять безответных ударов. И смех, и грех. Но этот проигрыш нас только подзадорил. Финал мы в итоге выиграли — 9:1. Да, тот проигранный Назлымовым первый бой остался единственным неудачным. Сразу после награждения рванули в гостиницу, не принимая душ, доиграли «пулю». И только потом вспомнили про победу и отметили её, как подобало».

Золото на блюдечке

А потом был Сеул, куда я приехал в качестве переводчика фехтовальной команды. Жил в Олимпийской деревне, только в доме для вспомогательного персонала в трёхкомнатной квартире с **Эриком Асиевским**, личным тренером рапириста Саши Романькова, и человеком в погонах, которые были приставлены к каждой делегации по виду спорта, и во время боёв находился с командой, а не на трибунах.

Игры для сборной СССР получились замечательными — 50 золотых медалей это наглядно подтвердили. Но должна была быть и 51-я. Она — в командной сабле, можно сказать, лежала на блюдечке, до неё надо было только дотянуться. Наши, безусловно, были сильнее венгров, и вели по ходу финала — 8:4. Нужно было выиграть всего-то один из четырёх оставшихся боёв или хотя бы проиграть, но нанести при этом максимальное количество ударов. А тут все подряд начали «валиться», нервоотрёпка сказывалась. Причём создавали её не столько спортсмены, сколько тренеры, которых собралось больше, чем саблистов, и каждый пытался что-то подсказать.

«Нужно-то было уже после второго боя просто поменять **Андрея Альшана** на **Сергея Коряжкина**. Но никто — ни Кузнецов, ни Лев Сайчук, ни Владимир Назлымов не осмеливались принять кажущееся элементарным решение», — признавался позже Бурцев, когда мы обсуждали с ним обиднейшее поражение. Спросил у него: «А сам-то почему не подсказал, если видел, что Андрюха не тянет?» Ответ оказался ожидаемым: «А кто бы меня тогда послушал? Ребята — те да, прислушивались к моим замечаниям, командой, по сути, я управлял. Но не тренерами». Бурцев с Сергеем Миндиргасовым дали тогда по три победы, а Альшан с Георгием Погосовым — по одной. Вождеденное и объективно заслуженное нашими саблистами очередное олимпийское золото отправилось в Венгрию.

Смена караула

После проигранного олимпийского финала Бурцеву последовало неожиданное предложение возглавить сабельную команду. Он согласился сразу, хотя прекрасно понимал, как непросто будет теперь общаться с ребятами, перед которыми он предстанет отныне в новой ипостаси. По себе

знаю, как это тяжело, когда враз становишься над человеком, с которым еще накануне был на равных. И всё потому, что не ты, а он не всегда способен перестроиться и признать-таки приоритет вчерашнего товарища, поднявшегося на следующую ступень. Вот и Бурцеву понадобилось время, чтобы преодолеть непростой период недопонимания и расставания с теми, кто казался безоговорочным лидером. Чересчур смелые решения молодого старшего тренера не всем пришлись по нраву, не только среди Благодарен фехтованию за то, что оно дало мне радость общения. Хватает у меня и врагов, потому что я всегда делаю то, что считаю нужным в силу своих нравственных принципов.

спортсменов, но и руководителей. Но он сумел настоять на своём, бился насмерть, чтобы включили в команду юного Станислава Позднякова, как когда-то повезли пятым в Монреаль его самого, и командное золото саблистов оказалось в Барселоне единственной высшей наградой объединенной команды в этом виде спорта. А Поздняков, став четырёхкратным олимпийским чемпионом, доказал, что аванс был вовсе не случайным.

«Меня окружали замечательные люди, с которыми я до сих пор дружу, независимо от того, в какой стране они живут, и как часто мы видимся. Я благодарен фехтованию именно за то, что оно дало мне радость общения. Хватает у меня и врагов, потому что я всегда делаю то, что считаю нужным в силу своих нравственных принципов. А совсем не то, что кому-то надо для его же пользы», — это слова из интервью которое Бурцев дал накануне своего 50-летнего юбилея.

После Барселоны его приглашали работать в Италию, куда позже отправились многие известные отечественные специалисты, в том числе и коллега Бурцева по двум олимпийским сборным Сидяк, и тот же Альшан, и Коряжкин, но как-то не срослось. Он остался в Москве и, какие бы препоны не выстраивала жизнь на его пути, продолжал верой и правдой служить российскому и мировому фехтованию.

Откровения Юлии Вадимовны

Был период, когда мы общались семьями, часто перезванивались. Мне нравились их отношения с Юлей, Юлией Вадимовной, как Миша чаще всего величал супругу, — лёгкие, с долей юмора, очень напоминавшие мои

контакты с супругой, тоже Юлей и тоже третьей спутницей жизни, как и у Бурцева.

Как раз в то время — была середина трудных 90-х — они затевали свой стоматологический бизнес, уговаривали нас поддержать их начинание. Но мы не решились.

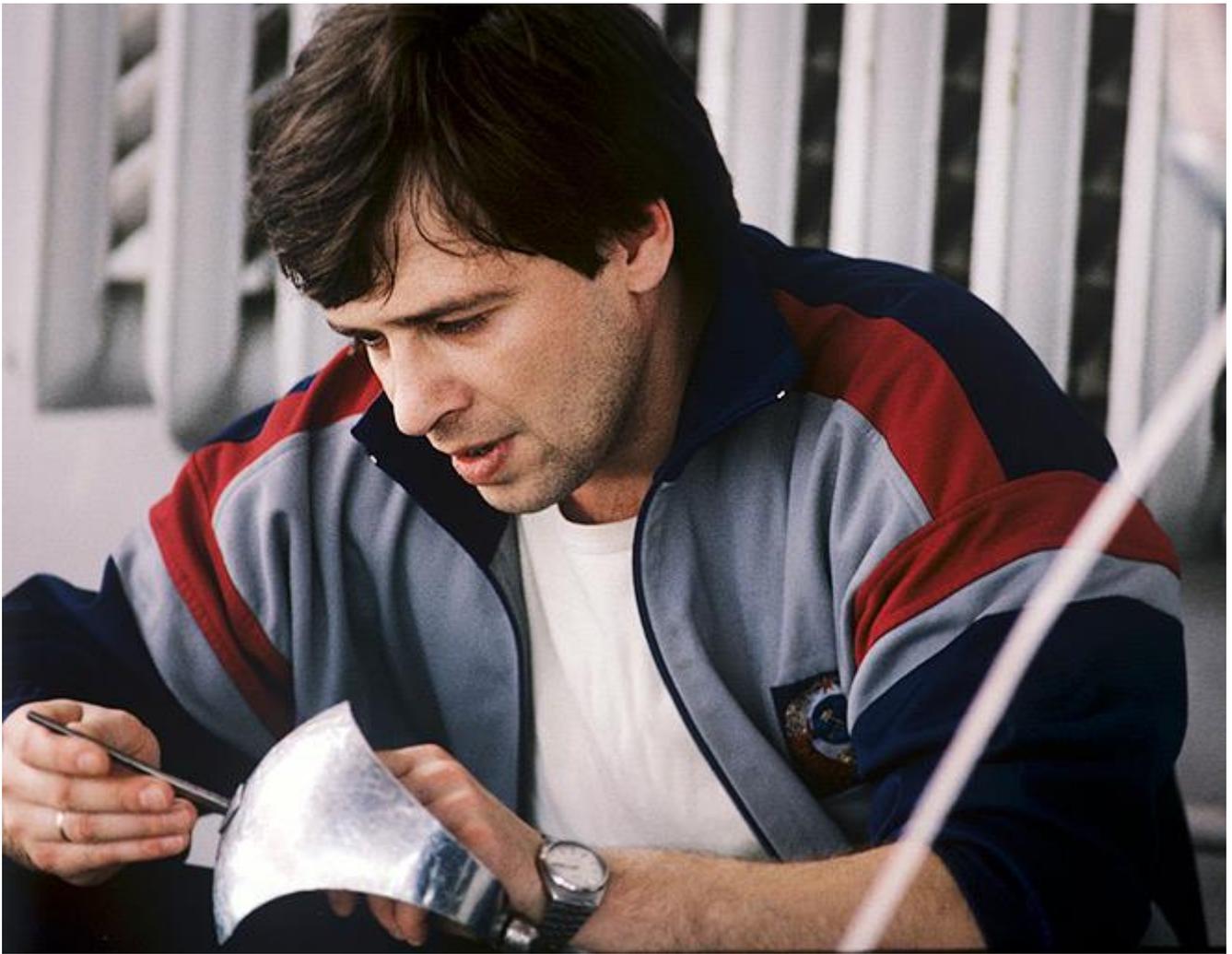
Видел, как внешне, может, несколько грубовато, то и дело подначивая друг друга, а на самом деле очень искренне и трогательно они относились друг к другу. Это была замечательная пара — любо-дорого посмотреть...

Мне никто не позвонил и не рассказал, что Миши не стало. Да разве только мне, тот же Павел Колобков, олимпийский чемпион, фехтовавший бок о бок с Бурцевым, замминистра спорта, узнал о случившемся, когда Мишу уже похоронили. Наверняка пришёл бы проводить товарища в последний путь — повторяю, относился к нему с огромным уважением.

Стал искать в Сети какие-нибудь подробности, что стало причиной кончины, и наткнулся на откровения супруги Бурцева. Из преамбулы к монологу Юлии Вадимовны выяснил, что нашлись недоброжелатели, которые вознамерились сделать сенсацию даже на смерти большого спортсмена и светлого человека. Что ж, в семье нашей журналистской не без уродов...

Так вот, к своему стыду узнал, что ещё в августе 2004-го врачи пять часов боролись за жизнь Михаила Ивановича и выходили его, но за прошедшие 11 лет критическая ситуация повторялась трижды. «В безвыходной ситуации врачи находили решения, которые помогали ещё и ещё раз возвращать Михаила к жизни», — говорила Юля. 16 октября 2015-го Бурцева не стало.

Рановато, чего уж там, уходить в неполные 60. Как пел Владимир Высоцкий в своих «Конях привередливых», он «дожить не успел». Сегодня сороковина. Налью рюмку и, как принято, помяну хорошего человека. Очень хорошего.

[Лев Россошук, «Чемпионат.com», 24 ноября 2015](#)